

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Бейрут под российским правлением Часть 1. Канун оккупации (1772–1773)

Т.Ю. Кобищанов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия стала первой европейской державой, которая в новое время вторглась на Ближний Восток и даже на короткий период заняла часть его территории: г. Бейрут. События, предшествовавшие штурму и захвату города, а также происходившие во время оккупации, были зафиксированы как местными летописцами, так и российскими офицерами; нашли отражение они и в письмах арабских правителей и донесениях находившихся в Сирии дипломатов. В результате вырисовывается объемная картина общества, впервые столкнувшегося с колониальной экспансией модернизированной Европы.

Первая часть представленной статьи посвящена анализу общественно-политической ситуации в регионе в канун появления у сирийских берегов российской эскадры. Отдельное внимание уделяется положению в Бейруте до и во время первого штурма города в июне 1772 г., а также последовавшему изменению баланса сил в Ливане.

Ключевые слова: Бейрут, Сирия, Архипелагская экспедиция, Йусуф Шихаб, Дахир аль-Умар

Введение

Два штурма Бейрута, предпринятые российскими военными эскадрами в 1772 и 1773 гг., и последовавшая кратковременная оккупация города расцениваются многими историками как первое проявление европейской военно-дипломатической экспансии на Ближний Восток, предвестник наступавшей колониальной эпохи. Однако подобный взгляд представляется слишком упрощенным, вдобавок не учитывающим логику развития региона во второй половине XVIII в.

Ко времени появления кораблей под Андреевским флагом Бейрут уже ощутил первые порывы ветров перемен, определивших последующий взлет и превращение в крупнейший порт Леванта, его торгово-экономический и политический центр, а затем и в столицу независимого государства.

В первой половине XVIII в. Османской империи еще удавалось с огромным напряжением ресурсов на равных вести войны с соседними Австрийской

и Российской империями, но внутреннее ее положение ухудшалось от десятилетия к десятилетию. Территории, находившиеся под прямым управлением Высокой Порты – Османского правительства – сжимались как шагреновая кожа. Смирившись с автономией Магриба и утратив возможность полноценно контролировать события в Египте и Ираке, Порта рассматривала Сирию как последний рубеж на пути дезинтеграции юго-восточной части империи.

В Сирии основное внимание османской администрации было приковано к отражению угрозы со стороны кочевников, воспользовавшихся упадком центральной власти, чтобы нарастить давление из внутренних пустынных районов на Плодородный полумесяц. Тем временем в прибрежных областях происходило усиление местных феодальных правителей, не включенных в официальную административную иерархию. Укрепляя свои позиции, эти лидеры формировали собственные вооруженные силы, а средства на них получали, в частности, активно развивая экономические связи с Европой. В приморские города Сирии, Палестину, Ливан, Алеппо проникало все больше европейских предпринимателей, а параллельно с ними миссионеров, дипломатов, шпионов и путешественников. В этой связи бейрутские события 1772–1774 гг. следует рассматривать не столько как локальную операцию ограниченных военно-морских сил российского флота на второстепенном театре боевых действий, сколько как первую пробу реакции традиционного ближневосточного общества на примеряющуюся к колониальным захватам Европу: в диапазоне от вооруженного противостояния до коллаборационизма.

Исследование проблемы

Середину XVIII столетия Бейрут встретил небольшим приморским городом, прозябавшим рядом с более успешными соседями. На 300-километровом участке сирийского побережья от Яффы до Триполи сосредоточилось семь морских портов, не считая Латакии и Искандеруна, находившихся немного севернее. Конкурировать Бейруту было сложно: часть его рейда была засыпана еще в XVII в. по приказу ливанского эмира Фахр ад-Дина Ма‘ана (1572–1635), пытавшегося таким образом закрыть гавань для османских военных кораблей [27. Р. 93] (1). В результате в мелководном бейрутском порту могли швартоваться лишь суда с неглубокой осадкой.

В административном отношении Бейрут, включенный первоначально в состав Дамасской, а затем – Сайдской провинции, периодически отдавался османскими властями на откуп одному из местных феодалов. В середине XVIII столетия свои притязания на него предъявили представители династии Шихабов, суннитских эмиров Горного Ливана. В 1749 г. эмиру Мульхиму Шихабу (1732–1753 гг.) удалось в результате провокации получить Бейрут в качестве налогового откупа [23. Р. 118–119]. В этом же городе тяжелобольной, потерявший власть Мульхим прожил до своей смерти в 1759 г.

Овладев Бейрутом, эмиры Шихабы: Мульхим и его преемники Мансур (1753–1770 гг.) и Йусуф (1770–1789 гг.), – перенаправили через него потоки шелка-сырца, который выращивался в Ливанских горах и являлся второй статьей сирийского экспорта, после хлопка. В 1753 г. в Бейруте открылось первое постоянное представительство французского торгового дома [20. Р. 79]. Как отметили исследователи, в отчетах о товарообороте Марселя с Левантом «сайдский» шелк в 1756–1767 гг. уступил пальму первенства «бейрутскому» и практически исчез из торговых реестров в дальнейшем [28. Р. 79]. Параллельно развивались связи с другими османскими регионами: Египтом, Грецией и Анатolieй. Для удовлетворения растущих торговых потребностей в Бейруте был построен большой постоялый двор и оптовый центр, получивший название *хан* или *кайсарийя* (2) эмира Йусуфа. Из ремесел, выходявших за рамки удовлетворения повседневных нужд жителей, развитие получила только первичная обработка шелка-сырца.

Наблюдавшийся в 50–60-е гг. XVIII в. рост Бейрута привел к изменению его этноконфессионального состава. В этот период в городе не было построено ни одной мечети, зато открылась униатская церковь и был капитально перестроен и расширен разрушенный землетрясением 1759 г. православный собор св. Георгия (1764–1772 г.). Причем православной общине хватило сил и средств провести восстановительные работы дважды: в 1767 г. свежестроенные своды рухнули, похоронив под собой 87 прихожан [15. С. 86]. Повторная реставрация прошла успешно, и храм с 8-метровой высоты иконостасом до сих пор остается одной из городских достопримечательностей.

Местные христиане могли позволить себе столь значительные расходы. Успешная торговля с европейскими странами, с греческими островами и Смирной притягивала в Бейрут православных и униатских негоциантов из приморской и внутренней Сирии; за купцами ехали их родственники и домочадцы, служащие торговых домов и окормлявшие их священники. Оставшаяся крупнейшей в городе община мусульман-суннитов, очевидно, должна была без удовольствия взирать на нашествие христиан, развернувших бурную коммерческую и строительную деятельность. В Бейруте также проживало несколько друзских и маронитских семей. Все христианские храмы, включая маронитскую церковь и капуцинское подворье, были сосредоточены в одном квартале рядом с тремя городскими мечетями. Близость друг к другу культовых зданий свидетельствует об относительно мирном сосуществовании представителей различных конфессиональных групп.

К началу 1770-х гг. в Бейруте проживало примерно 5–7 тыс. человек (3). Росту числа жителей способствовала хорошая экология, отмечавшаяся европейцами. «Приятное местонахождение на морском берегу, чистый воздух, разбитые вокруг сады, кедровый лес, отвесно спускающийся всего в четверти *лье* (4) от городских ворот, делают пребывание в нем очаровательным», – описывал в то время Бейрут путешественник Вентюр де Паради [20. Р. 79]. Спустя шесть десятилетий российский офицер П.П. Львов подтверждал, что «климат Бейрута

может считаться одним из самых здоровых во всей Сирии, и, таким образом, этот небольшой и грязный городок при чрезвычайно выгодном положении и изящных красотах его окрестностей, можно сказать, соединяет все возможные удобства жизни» [12. С. 228] (5).

Происходившие в Бейруте общественно-политические изменения: переход под власть ливанских Шихабов, рост европейского присутствия и усиление местных христианских общин, – свидетельствовали, что до города докатилась волна перемен, спровоцированных структурным кризисом Османской империи. Одним из проявлений кризиса XVIII в., названного британским историком Кэролайн Финкель «эпохой провинций» [21. Р. 372–413], стала атрофия центральной власти и усиление местных лидеров, стремившихся вырваться из-под контроля Стамбула. В достижении политической и экономической самостоятельности многие правители использовали этноконфессиональные меньшинства, связанные со стремительно наращивавшей свое влияние в Османском государстве Европой [Подробнее см.: 7].

В Горном Ливане изменение этноконфессионального баланса сил привело в движение внутривосточные процессы. Друзские (6) феодалы составляли основную часть ливанской знати, однако некоторое число *муката 'аджи* (7) принадлежало к маронитским (8), православным, шиитским и суннитским родам. 1759 г. маронитское население трех северных округов подняло восстание против своих феодалов: шиитских шейхов Химада. Потерпев поражение, Химада заручились поддержкой фракции ливанских феодалов Йазбаки (9) в надежде склонить на свою сторону правящего эмира Мансура Шихаба. Тот, не решаясь ссориться ни с маронитами, ни с Йазбаки, занял компромиссную позицию. Зато представившимся шансом воспользовались оттесненные от кормила власти группировки: конкурировавшая с Йазбаки феодальная коалиция Джумблати и маронитская знать во главе с Са'адом аль-Хури ар-Рашмави (1722–1786), воспитателем Йусуфа Шихаба, старшего сына покойного эмира Мульхима. Заключив союз, Джумблати и маронитские феодалы добились от османских властей назначения Йусуфа в 1763 г. эмиром Северного Ливана, а в 1770 г. – правителем всего Ливанского эмирата.

Известие о начавшейся в 1768 г. войне с Россией дало сигнал ближневосточным владыкам, что настало время реализовывать самые амбициозные планы: скованная боевыми действиями на севере Порты не могла направить карательные экспедиции на подавление своих чересчур самовластных вассалов. Стремившийся к господству в регионе глава египетских мамлюков 'Али-бей Булут Капан (1760–1772 гг.) в конце 1768 г. изгнал из страны османского наместника, а в ноябре 1770 г. и в апреле 1771 г. предпринял два вторжения в Южную Сирию. Там его союзником стал палестинский владетель шейх Дакхир аль-'Умар аз-Зайдани (ок. 1690–1775). Ни один из этих лидеров не принадлежал к официальной административной вертикали, оба они тяготились властью Стамбула и опирались на собственные вооруженные формирования. При этом, расширяя подконтрольные территории, ведя военные операции

против османских пашей и узурпируя прерогативы центральной власти, «мятежники» внешне демонстрировали полную лояльность султану, представляя свои действия не как бунт против повелителя правоверных, а как рядовой провинциальный конфликт.

К началу лета 1771 г. общее число войск, сконцентрированных в Сирии ‘Али-беем и шейхом Дахиром, превышало 50 тыс. человек, большая часть их прибыла из Египта. Разгромив 4 июня 1771 г. (10) на подступах к Дамаску объединенную армию пашей Сирии и Южной Анатолии, египетско-палестинские силы вошли в город. Не располагая в регионе достаточной военной мощью, Порта взяла курс на раскол в стане бунтовщиков и поддержку альтернативных лидеров в их среде. Эта тактика оправдалась. 18 июня 1771 г. командующий египетскими войсками Мухаммад-бей Абу-з-Захаб фактически предал ‘Али-бея и объявил об отходе армии обратно в Египет. В Ливане османы рассчитывали на лояльность недавно получившего от них инвеституру 23-летнего эмира Йусуфа Шихаба.

После ухода египетской армии в Сирии установился определенный баланс сил. Правительственные войска предприняли наступление со стороны Дамаска, однако шейху Дахиру удалось сплотить оставшихся союзников и отразить атаку «лоялистов». Развивая успех, «мятежники» нанесли удар по Ливанскому эмирату. 20 октября 1771 г. войска эмира Йусуфа потерпели сокрушительное поражение, и три дня спустя отряды шейха Дахира заняли Сайду. Война вплотную приблизилась к Горному Ливану и к Бейруту.

Именно через владения ливанского эмира на отвоевание Сайды в мае 1772 г. выдвинулась объединенная дамасско-халебская армия под общим командованием главнокомандующего-*сераскера* ‘Усман-паши аль-Мысри (1772–1773 гг.), усиленная друзским ополчением эмира Йусуфа.

Вернуть город османам было принципиально важно. После того, как под нажимом Мухаммад-бея Абу-з-Захаба 28 апреля 1772 г. ‘Али-бей бежал из Каира в Сирию, Сайда оставалась последней оставшейся в руках мятежников столицей провинции-*пашалыка*. Наконец, она была опорным пунктом, владея которым можно было угрожать Горному Ливану и влиять на политику его правителей. Однако 11 июня 1772 г. под стенами города османские войска ждал полный разгром от сил шейха Дахира и его союзников. Успех в этом сражении, которое арабский историк Тауфик Муаммар аль-Махами назвал крупнейшим в истории Сирии того времени [9. С. 190], был достигнут во многом благодаря вмешательству российского флота.

Корабли Балтийской эскадры под общим командованием Алексея Орлова, усиленные нанятыми английскими судами, находились в Средиземноморье с начала 1770 г. Уничтожение османского флота в Хиосско-Чесменском сражении (7–8 июля 1770 г.) позволило России вплоть до окончания войны практически безраздельно господствовать в акватории от Александрии до Стамбула. Основные военно-морские силы граф Орлов сосредоточил на подступах к османской столице. Однако в апреле 1772 г. им было принято реше-

ние отправить к берегам Египта и Сирии небольшую греческую эскадру под командованием майора Григория Ризо и лейтенанта Антона Псаро, дабы «не только на море, но и на сухом пути делать по возможности всякий вред неприятелю» [2. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 182].

Флотилия Ризо-Псаро прибыла в Хайфу к шейху Дахиру и нашедшему у него приют ‘Али-бею в первых числах июня и сыграла важную роль в сражении под Сайдой, отогнав от берега османские суда и подвергнув артиллерийскому обстрелу сухопутные силы [8. С. 16–20].

Направляясь к ближневосточным берегам, греческие капитаны, во исполнение приказаний командования, были настроены выбрать в качестве жертвы какой-нибудь подходящий для нападения сирийский порт. Первоначально в качестве объекта атаки был назначен Сур (Тир) [2. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 216–218 об.]: самая легкая добыча из прибрежных городов (11). Однако Сур уже был занят войсками шейха Дахира, и палестинский владетель указал союзникам новую цель: Бейрут. Подчинение соседа-конкурента Сайды было полностью в интересах палестинского шейха, и сирийские современники отдали ему в этой операции главенствующую роль. В местных хрониках недвусмысленно говорится, что «корабли Московии» пришли «по указанию» [5. С. 113] Дахира ал-‘Умара, «чтобы, по возможности, захватить для него Бейрут» [15. С. 89].

Нацелив удар российской эскадры на Бейрут, шейх Дахир решал ряд важных задач. Во-первых, он явно хотел побудить новообретенного союзника активнее включиться в борьбу в Сирии. Штурм Бейрута позволял не только наказать эмира Йусуфа и перенести военные действия на территорию Ливанского эмирата, но и подорвать позиции этой важной торговой гавани, а то и захватить ее. К тому времени Южная Сирия была разорена войной. Вот как описывал экономическую ситуацию в 1772 г. французский консул де Толе: «[Сельскохозяйственное] производство в окрестностях Сайды практически отсутствует из-за упадка земледелия. Соседние деревни, где трудились [крестьяне], разрушены, а те из них, кому удалось бежать, томятся вдали в бездействии и нищете» [20. Р. 101]. Не имея возможности восстановить в достаточном объеме сбор и продажу хлопка, Дахир мог рассчитывать возместить потери, поставив под контроль экспорт шелка.

После падения Сайды резко возросло и стратегическое значение Бейрута: он остался единственным портом Южной Сирии, куда османы могли подвозить войска и продовольствие. В случае его взятия Дамаск, третий по размеру город империи и важнейший форпост османского присутствия в регионе, оказывался заблокирован со стороны моря.

У россиян была своя причина напасть на город. Сразу после битвы под Сайдой три корабля под командованием греческих капитанов бросились преследовать бежавшие османские суда, попытались с ходу ворваться в укрывшую их бейрутскую гавань, но были вынуждены отойти, попав под огонь пор-

товых укреплений. Появился повод «отмстить за учиненное сопротивление» и «оскорбление Российскаго флага» [16. Ч. 3. С. 64].

В предрассветной мгле 19 июня, «когда все люди спали» [17. С. 48], российские корабли подошли к порту и дали залп из пушек. Перепугавшиеся горожане поначалу решили, что стали жертвой обычного пиратского налета, и попытались откупиться от каперов, отправив им провиант [15. С. 88].

Бейрутцы были не понаслышке знакомы с нападениями христианских корсаров. Мальтийские, итальянские и корсиканские пираты десятилетиями терроризировали сирийское побережье, топя и захватывая суда местных торговцев и атакуя приморские города [24. Р. 147–163]. После одного из таких нападений 29 ноября 1757 г. бейрутские мусульмане разгромили находившееся в городе капуцинское подворье, схватили находившихся там монахов и сожгли иконы [25. Р. 4]. Волнения были подавлены благодаря вмешательству эмира Мульхима, приказавшего повесить двух зачинщиков бунта [18. Т. 1. С. 48].

Осознание, что происходящее выходит за рамки пиратского налета, пришло быстро. Прибывшему на суда *кахье* (12) эмира Йусуфа майор Ризо заявил, что является представителем российской императрицы и требует сдачи города, в знак чего жители – как христиане, так и мусульмане – должны вывесить российские флаги и внести подать, равную той, что ранее платилась султану [19. Р. 214]. Не имевший ни стен, ни сколько-нибудь значительного гарнизона Бейрут казался легкой добычей. Бывший правитель Ливана эмир Мансур, который «после отречения своего жил в Бейруте как... в своем уделе» [3. С. 78], и другие пребывавшие там члены рода Шихабов «сочли за лучшее бежать сломя голову» [17. С. 49], бросив своих подданных на произвол судьбы. Тем не менее, у города нашлись защитники. В местной церковной хронике они именовались «мусульманами» [15. С. 88], в то время как находившийся в Бейруте европейский современник упоминал о 2 тыс. оборонявших город «друзах», «турках» (т.е. мусульманах) или «друзах-турках» [19. Р. 215]. Возможно, состав оборонявших был смешанным и состоял как из горожан-суннитов, так и успевших прибыть на помощь горцев. Западные ворота Баб ас-Сантыяа перегородили насыпью, поверх которой возвели баррикаду из ящиков, заполненных песком. Что касается бейрутских христиан, то они «в воцарившейся суматохе бежали из города в горы к своим родственникам, побросав все свое имущество и товары, находившееся в лавках, на складах и в домах» [15. С. 88].

20 июня, по прошествии данных горожанам на размышление 24 часов, корабельная артиллерия начала бомбардировку. Потрясенные местные жители потом рассказывали, что одновременно по городу падали 6 тыс. пушек [5. С. 113; 6. С. 84], – фантастическая цифра, многократно превосходившая возможности небольшой крейсерской эскадры. Более вероятны сведения о 500 выпущенных снарядах, которые нанесли минимальный ущерб зданиям, пробивая их стены насквозь [19. Р. 215]. Из башни, защищавшей порт, по флотилии открыли ответный огонь [15. С. 88].

На следующий день с судов был высажен небольшой десант из 40 человек, атака которого была отбита, а 22 июня – уже более многочисленный отряд из 200–300 моряков. Нападавшие подожгли окружавшие город сады, – то ли желая не допустить прихода горожанам подмоги, то ли с целью устрашения. «Многочисленная толпа» бейрутских ополченцев и друзов попыталась сбросить десант в море, но, как писал офицер российского флота, «греки после нескольких залпов бросились на них с саблями, обратили их в бег, и замешавшись вместе с ними» [16. Ч. С. 64], ворвались в портовый район. Погибло около полусотни арабов, остальные бежали в горы или укрылись в портовых башнях [19. Р. 215].

Как сообщала местная церковная хроника, первой от ворвавшихся в город пострадала «кайсария эмира Йусуфа в порту, которую они разграбили; та же участь постигла и дома христиан, которые они выпотрошили до дна, унеся все, что могли взять из мебели, скарба и утвари, что было ценой подоroje, а весом полегче» [15. С. 88]. Анонимный европейский источник упоминал, что ущерб составил 500 тыс. пиастров шелком и прочими товарами, да еще 50 тыс. серебром было похищено в хане эмира Йусуфа [19. Р. 215]. Была сожжена портовая башня («форштадт») и все пришвартованные поблизости суда, пожар уничтожил несколько располагавшихся в этом районе домов, в том числе здание православной Свято-Георгиевской типографии (13). Потери десанта составили лишь 4 человека убитыми и 26 ранеными [14. С. 351]. Стоило нагруженным добычей морякам вечером вернуться обратно на корабли, как ночной Бейрут захлестнула новая волна мародеров: спустившиеся с окрестных гор друзы, «как знать, так и простые крестьяне, начали грабить дома и лавки, вынося оттуда скарб, мебель и товары» [15. С. 88]. Варварство горских налетчиков, которые «разбивали вдребезги ту посуду и стекло, что не могли унести» [15. С. 89], потрясло бейрутского летописца даже на фоне предыдущего несчастья.

В этот драматичный момент на защиту растерзанного города подоспела армия его владельца эмира Йусуфа. Сам эмир расположился в селении Хадас неподалеку от Бейрута, от его лица переговоры вели, по разным сведениям, либо эмир Мансур [17. С. 49], либо – Са‘ад аль-Хури [15. С. 89]. Непосредственно между берегом и судами курсировал грек-киприот Хаджи Рафаил [19. Р. 215] (14).

Интенсивный торг начался 23 июня, шел 5 дней, и итог его оказался весьма любопытен. В вахтенном журнале шебеки «Греция» по приказу Ризо были зафиксированы только пункты соглашения, касавшиеся России, да и то не полностью. Эти сведения дополняет датированное 15 июля 1772 г. сообщение некоего хорошо информированного европейца, опубликованное А. Хадживасилиу (Орианом). Некоторые положения отразились и в местных хрониках.

Во-первых, эмир согласился выплатить морякам контрибуцию, но не деньгами, а товарами. Вахтенный журнал шебеки «Греция» упоминал о 1 тыс. 700 фунтах шелка [7. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.], европейский источник,

подтверждая эту цифру (600 *окка* (15) шелка, т.е. примерно 750–766 кг), прибавляет к ней 40 отрезков ткани, а также говядину, сухари, зерно и вино [19. Р. 216]. Разница в подсчете денежного эквивалента этой контрибуции, очевидно, отразилась в арабских летописях (16).

Однако более важным было другое. По итогу переговоров эмир Йусуф соглашался перейти на сторону ‘Али-бея, шейха Дахира и их союзников, правда, с одной оговоркой: эмир считался свободным от обязательств, если по прошествии 4-х месяцев антиосманской коалиции не удастся овладеть г. Триполи или о. Кипр. Каждый из мятежных правителей должен был незамедлительно отправить в Бейрут своего представителя, дабы уточнить план действий «для сохранения мира и спокойствия, установленного данным соглашением» [19. Р. 216]. Что касается России, то эмир объявил о переходе в ее «подданство», в знак чего брал на себя обязательство через 30 дней выплатить 300 кошельков (150 тыс. *пиастров*) годовой подати *мири* (17), которую ему полагалось вносить в султанскую казну. Кроме того, ливанский правитель обещал заходящим в бейрутский порт судам под Андреевским флагом «во всем непременно служить и споможение чинить, и недостаточных, чем бы ни было, довольствоваться» [7. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.]. Полностью удовлетворенные достигнутым, 28 июня греческие капитаны приказали поднять паруса и покинуть бейрутский рейд.

Как справедливо отметила И.М. Смилянская, события июня 1772 г. «взломали лед взаимного недоверия» между «мятежными» сиро-египетскими лидерами и офицерами российской эскадры [13. С. 371]. Сказанное вполне относится к договоренностям, достигнутым как в Сайде, так и в Бейруте. Помимо эмира Йусуфа в переговорах 23–28 июня 1772 г. заочно принимали участие ‘Али-бей Булут Капан и шейх Дахир аль-‘Умар. Одновременно вырисовывался сценарий распределения ролей антиосманского альянса. Правитель Горного Ливана выступал в нем в качестве младшего партнера, египетскому и палестинскому лидерам предоставлялась свобода действий на суше, а Россия оказывала общее покровительство и обеспечивала поддержку с моря, за что получала денежные и натуральные выплаты.

Остается вопрос: каковы были подлинные намерения молодого ливанского правителя? Действительно ли он хотел сменить политическую ориентацию либо вел двойную игру и рассматривал соглашение как уловку? Точный ответ дать трудно, но после поражения под Сайдой и разорения Бейрута в поступках юного эмира прослеживается, скорее, растерянность, нежели тонкий расчет. Похоже, что действовал он по обстоятельствам.

В конце июня 1772 г. присоединение Йусуфа Шихаба к антиосманской коалиции казалось вполне логичным. Эмир только что пережил очередной военный разгром, и вот боевые действия докатились и до его владений. К тому же в ливанской элите не было единства по вопросу политической ориентации. Недаром эмир Йусуф привлек к участию в переговорах свергнутого им дядю. Отставленного с поста правящего эмира, но сохранившего значительное вли-

яние Мансура Шихаба с шейхом Дахиром связывала «старинная приязнь и давняя симпатия» [17. С. 49].

Двусмысленное поведение Мансура, который покинул Бейрут, не приложив ни малейших усилий к организации обороны, даже заставило летописца Ханания ал-Мунаййира включить его в ряды напавших на город [10. С. 13].

Особая роль в переговорах, очевидно, принадлежала Са‘аду аль-Хури. Следует оговориться, что в указанный период эмира Йусуфа (1748 г. рождения) являлся не вполне самостоятельной политической фигурой, полностью находясь под влиянием своего маронитского воспитателя и управляющего. Как писал хорошо знакомый с реалиями дома Шихабов эмир Хайдар Ахмад, Йусуф никогда ни в чем не противоречил Са‘аду, и последний заставлял эмира делать все по своей воле [18. Т. 1. С. 60]. Другой летописец также соглашался, что «все шаги и поступки эмира Йусуфа были сделаны по советам и политическим решениям шейха Са‘ада аль-Хури и могут быть только номинально приписаны эмиру» [22. Р. 175]. Таким образом, когда мы упоминаем о действиях Йусуфа, то должны иметь в виду фигуру стоявшего за его спиной маронитского «серого кардинала».

Вскоре эмир Йусуф и шейх Са‘ад пожалели о своем решении. Наводивший ужас на Сирию ‘Али-бей оказался политическим изгнанником, имевшим под своим началом лишь 2–2,5 тыс. сабель. К тому же эти части увязли в осаде Яффы, занятой войсками лояльного Стамбулу правителя Наблуса. Россия, связанная перемирием с Портой, заключенным 20 мая 1772 г. в Фокшанах, могла оказать лишь ограниченную помощь ближневосточным союзникам. В Сирии со дня на день ждали карательную экспедицию султана, французский консул в Сайде шевалье де Толе требовал от своего правительства подержать ее ударом с моря [26. Р. 108]. В этих условиях ливанская верхушка сочла за благо дезавуировать соглашение, тем более что Триполи и Кипр так и остались в руках османов.

В результате Йусуф Шихаб, вновь приняв обличье верного подданного, отправил сераскеру ‘Усман-паше аль-Мысри письмо, в котором сообщал «о приходе московских кораблей и том вреде, который они причинили» [17. С. 49], «и просил отправить для защиты города отряд солдат с надежным офицером» [15. С. 91]. Выгораживая себя, правящий эмир одновременно дискредитировал в глазах властей своего соперника дядю Мансура, который отвечал за порядок и безопасность в Бейруте [18. Т. 1. С. 94].

Важность обладания Бейрутом, ключевым пунктом для контроля над Горным Ливаном, открывавшим прямую дорогу на Дамаск, была очевидна. Последовавшие действия османского командования заставляют предполагать, что оно было извещено о тайном соглашении эмира Йусуфа с Россией и мятежниками и не собиралось в дальнейшем полагаться на ненадежного ливанского правителя. После получения письма из Дамаска незамедлительно выступили три сотни магрибинцев под командой бывшего мамлюкского бея

Ахмада аль-Джаззара (1721–1804), назначенного ‘Усман-пашой *мухафизом* (араб. «комендантом») Бейрута.

Не осведомленные о перипетиях большой политики горожане предположили, что войска лишь ненадолго встанут на постой [15. С. 92], однако вскоре стало ясно, что Ахмад-бей всерьез готовится к «обороне от султанши Московии» [17. С. 51]. В числе разноплеменных наемников, «со всех сторон стекавшихся» в Бейрут, хроника упоминает магрибинцев, сирийских арабов, турок, курдов и представителей других этносов [15. С. 94]. В итоге мухафизу удалось собрать около 2 тыс. солдат, помимо этого он мог рассчитывать на ополчение бейрутских мусульман. В короткий срок вокруг Бейрута выросла стена с башнями (18), были закуплены новые пушки и создан арсенал. Как писал местный летописец, «работа кипела и днем, и ночью, люди под вооруженной охраной строили укрепления и стены. Любое неповиновение горожан жестоко каралось, «несколько человек были убиты, многие арестованы как бунтовщики» [10. С. 13].

Переходя из уст в уста, уже в соседней Сайде рассказы о жестокостях нового хозяина Бейрута принимали макабрические формы. «Все христиане, жившие в Бейруте, – сообщал в июне 1773 г. французский консул до Толе, – и составлявшие большую часть его населения, изгнаны, их дома разрушены или разорены, все их имущество разграблено. Дюжина этих несчастных была живьем погребена в фундаментах новых фортификаций по приказу этого фанатичного варвара, без какого-либо повода, даже без предлога, но лишь в качестве простой забавы» [Цит. по: 20. Р. 105]. Между тем «Бейрутская церковная летопись», крайне щепетильно относившаяся к любым случаям преследований православных, упоминаний об этих религиозных репрессиях не содержит.

Захватив в бейрутском порту галеон, перевозивший из Египта деньги для местных торговцев, Ахмад-бей получил средства для «подкупа некоторых эмиров и шейхов из Горного [Ливана], чтобы они отказали в помощи эмиру Йусуфу» [10. С. 13–14]. Получателями денег и союзниками мухафиза Бейрута стали лидеры феодальной коалиции Йазбаки: Хусейн Талхук и ‘Абд ас-Салам ‘Имад [7. С. 209].

С самим Йусуфом Шихабом аль-Джаззар поначалу держался скромно и почти подобоострастно, выпрашивая лишь несколько недель для того, чтобы укрепить Бейрут и передать его ливанскому правителю. Когда же все сроки истекли, Ахмад-бей запретил бейрутцам вывозить продовольствие в горные районы и «приказал магрибинцам убивать всякого горца, которого они обнаружат» [5. С. 114]. Осмелев, аль-Джаззар даже стал отправлять принадлежавшие ему суда на вылазки вдоль побережья: в мае 1773 г. одна из них под Триполи произвела стычку с греческой галерой «Унконе» [2. Ф. 188. Оп. 1. Д. 53. Л. 305–305 об.].

Горный Ливан оказался в торговой блокаде. Было очевидно, что действия аль-Джаззара санкционировались османскими властями, и окруженному со всех сторон, не имевшему возможности «достать пшеницу и прочее продоволь-

ствие из Бейрута» [15. С. 95] эмиру долго не выстоять: его низложит дружская знать. У загнанного в угол Йусуфа Шихаба не оставалось выхода, кроме как проситься обратно в состав антиосманской коалиции. В начале июня 1773 г. он, – вновь при посредничестве эмира Мансура, – обратился к Дахиру ал-‘Умару с предложением заключить союз [10. С. 14; 17. С. 52]. «Лучше отдать его [Бейрут] на съедение льву [Дахиру], чем этой собаке [аль-Джаззару]», – так объяснил Йусуф свое решение приближенным [11. С. 96]. Дахир с готовностью откликнулся и на состоявшейся 9 июня встрече обнадежил ненадежного союзника. «Я написал на остров Парос (19), – изложил он эмиру свой план, – чтобы московские корабли шли к Египту на помощь ‘Али-бею. ... Когда же корабли придут, я отправлю их блокировать с моря Бейрут. Ты же тогда соберешь войска и осадешь аль-Джаззара со стороны суши» [15. С. 95].

© Кобищанов Т.Ю., 2018

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Впрочем, обмеление бейрутской гавани имело и естественные причины. Наступление песка на культурные земли и берег Бейрута наблюдалось на протяжении большей части его средневековой и новой истории.
- (2) *Хан* представлял собой комплекс двух-трехэтажных зданий, окружавших большие четырехугольные дворы. На первых этажах ханов находились склады и магазины, верхние сдавались под жилье. Крупный хан назывался *кайсарийя* («цезарский», «императорский»).
- (3) Побывавший в Бейруте полтора десятилетия спустя французский ученый-энциклопедист К.-Ф. Шасбеф (Вольней) насчитал в городе 6 тыс. жителей [30. Р. 441].
- (4) *Лье* – французская мера длины. Сухопутное лье равнялось 4444,4 км.
- (5) Отмеченная П.П. Львовым, а равно и его младшим современником врачом А.А. Рафаловичем, царившая в Бейруте антисанитария, делавшая его «одним из самых дурных и запущенных городов во всей Сирии», обусловлена произошедшим в 30–40-х гг. XIX в. ростом населения, достигшего 10–12 тыс. человек. При этом площадь застройки практически не увеличилась с конца XVIII в., сохраняясь в пределах городских стен.
- (6) *Друзы* – арабоязычная этноконфессиональная группа, отколовшаяся от исмаилитской ветви шиизма.
- (7) *Муката ‘аджи* – владельцы феодальных наделов *муката ‘а*.
- (8) *Марониты* – христианская арабоязычная этноконфессиональная группа. К середине XVIII в. маронитский патриархат был подчинен Ватикану и латинизирован.
- (9) Со времени правления эмира Мульхима ливанские феодалы всех вероисповеданий были расколоты на две фракции: *Джумблати*, возглавляемую одноименным дружским кланом, и соперничавшую коалицию *Йазбаки*, лидерами которой считались дружские шейхи ‘Имад. Эмиры Шихабы, по крайней мере, теоретически, должны были сохранять нейтралитет, возвышаясь над фракционной борьбой [22. Р. 45–54].
- (10) Даты даны по новому стилю.

- (11) Точные данные на конец XVIII столетия неизвестны, однако полвека спустя постоянный гарнизон Сура насчитывал 50 человек, в то время как Триполи, Бейрута и Сайды – по 200 солдат в каждом [29. Р. 152].
- (12) *Кахья* – управляющий делами. Здесь: градоправитель, представлявший владельца города.
- (13) Бейрутская православная типография была основана в 1751 г. и стала четвертой по времени возникновения на Арабском Востоке. В 1842 г. типография была восстановлена благодаря усилиям российского посланника К.М. Базили [1. Оп. 517/1. Д. 734. Л. 154–155 об.].
- (14) Очевидно, киприот вместе сопровождающими и были теми самыми посланными от «турок» греками, о которых упоминалось в вахтенном журнале «Греции» [2. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1149. Л. 42 об.].
- (15) *Окка* – мера веса, обычно эквивалентная 1,250 – 1,278 кг.
- (16) Арабские источники расходятся в оценке выплаченной Ризо контрибуции. Фигурируют суммы в 8 тыс. 500 [15. С. 49], 20 тыс. [4. С. 99] и 25 тыс. пиастров [10. С. 13; 5. С. 113].
- (17) *Мири* – часть податей, выплачиваемая в султанскую казну.
- (18) Побывавший в Бейруте 60 лет спустя полковник П.П. Львов весьма критично оценивал результат трудов аль-Джаззара. «Крепостная стена и несколько башен огибают весь объем города, – писал российский офицер, – ... укрепления эти вообще ничтожны; они представили бы слабую защиту, тем более что ближайшие возвышения значительно командуют всем городом» [12. С. 226].
- (19) Письма на Парос были отправлены еще 21 марта 1773 г. [2. Ф 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 260–260 об.]. Очевидно, шейх Дахир ожидал прибытия российской эскадры со дня на день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Посольство в Константинополе».
- [2] Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
- [3] *Базили К.М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Иерусалим/Москва, 2007.
- [4] *аль-Бустани Бутрус.* Даират ал-ма‘ариф (Энциклопедия). Байрут, 1875.
- [5] *Йанни Джирджи.* Тарих Сурийа (История Сирии) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [6] *Кан ‘ан Дауд-эфенди.* Джавахир йакут фи тарих Байрут (Драгоценные яхонты истории Бейрута) // Байрут фи-ль-мусаннафат аль-‘арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов). Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995.
- [7] *Кобищанов Т.Ю.* Христианские общины в арабо-османском мире. М., 2003.
- [8] *Кобищанов Т.Ю.* Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 1. От появления в Средиземноморье российской эскадры до первого штурма Бейрута // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2009, № 1.
- [9] *аль-Махамы Тауфик Му‘аммар.* Дахир аль-‘Умар. Китаб йатанавал тарих аль-Джалил хасса ва-ль-билад ас-Суриййа ‘амма мин санат 1697 хатта санат 1777 (Дахир аль-‘Умар. История Галилеи и всей Сирии с 1697 по 1777 гг.). Назарет, 1996.

- [10] *аль-Мунаййир Хананийа*. Ад-дурр аль-марсуф фи тарих аш-Шуф (Нанизанные жемчуга истории [округа] Шуф). Байрут, 1984.
- [11] *ас-Саббаг Михаил Никула*. Тарих шейх аль-‘Умар аз-Зайдани (История шейха Дахира аль-‘Умара аз-Зайдани). Каир, 2010.
- [12] Сирия и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991.
- [13] *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смильская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
- [14] *Соколов А.П.* История Архипелагския кампании, 1769–74 года // Записки гидрографического департамента морского министерства. Часть VII. СПб., 1849.
- [15] *Трад ‘Абдаллах ибн Михаил*. Мухтасар тарих аль-асакифа аль-лазина ракку мартабат риасат аль-кахнут аль-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002.
- [16] *Ушаков С.* Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, подчёрпнутая из достоверных Российских и Иностраных источников. СПб., 1811.
- [17] *аш-Шихаби Хайдар Ахмад*. Тарих Ахмад баша аль-Джаззар (История Ахмад-паши аль-Джаззара). Бейрут, 1955.
- [18] *аш-Шихаби Хайдар Ахмад*. Любнан фи ‘ахд аль-умара’ аш-Шихабийин (Ливан в эпоху эмиров Шихабов). Бейрут, 1933.
- [19] *Auriant*. Catherine II et l’Orient, 1770–1774 // L’Acropole. Paris, 1930.
- [20] *Charles-Roux Fr.* Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] *Finkel C.* Osman’s Dream. The History of the Ottoman Empire, 1300–1923. New York, 2005.
- [22] *Harik, Iliya F.* Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] *Harris W.* Lebanon. A History 600–2011. N.Y., 2012.
- [24] *Heyberger B.* Sécurité et insécurité: les Chrétiens de Syrie dans l’espace Méditerranéen (XVIIe–XVIIIe siècles) // Meropi Anastassiadou, Bernard Heyberger (édit.), Figures anonymes, figures d’élite: Pour une anatomie de l’Homo Ottomanicus. Istanbul, 1999.
- [25] *Heyberger B.* Les Européens vus par les Libanais (XVIe–XIXe siècles) // Les Européens vus par les Libanais à l’époque ottomane. Beirut, 2002.
- [26] *Joudah, Ahmad Hasan.* Revolt in Palestine in the Eighteenth Century. The Era of Shaykh Zahir al-‘Umar. Piscataway, 2013.
- [27] *Kassir S.* Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [28] *Panzak D.* Commerce et commerçants des ports de Liban Sud et de Palestine (1756–1787) // Villes au Levant. Hommage à André Raymond. Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n° 55-56, 1990.
- [29] *Philipp T.* Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [30] Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // *Œuvres*. Tome troisième. P., 1998.

REFERENCES

- [1] Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE). Fund “Embassy in Constantinople”.
- [2] Russian Navy State Archive (RNSA).
- [3] Basily K.M. Syria and Palestine under Ottoman Government in the Historical and Political Attitudes [Siria i Palestina pod turetskim pravitelstvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyah]. Jerusalem, Moscow, 2007.

- [4] al-Bustani Butrus. *Dairat al-ma'arif* [Encyclopedia]. Beirut, 1875.
- [5] Yanni Jirji. *Tarikh Suriya* [History of Syria] // *Bairut fi-l-musannfat al-'arabiya. Nusus mukhtara* [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.
- [6] Kan'an Daud-effendi. *Djawahir Yakut fi Tarikh Bairut* [Precious Stones of Beirut History] // *Bairut fi-l-musannfat al-'arabiya. Nusus mukhtara* [Beirut in the Arab Works. Collection of Texts]. Under red. of Yussuf al-Khuri. Beirut, 1995.
- [7] Kobischanov T.Y. *Hristianskie obshhiny v arabo-osmanskom mire (XVII – pervaja tret' XIX v.)* [Christian Communities in the Arab-Ottoman World (XVII – First Third of XIX centuries)]. Moscow, 2003.
- [8] Kobischanov T.Y. *Krest nad Beirutom: rossiiskaya ekspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomorye 1769–1774 gg. v vospriyatii siriiskih sovremennikov. Chast 1. Ot poyavleniya v Sredizemnomoye rossiiskoi eskadry do pervogo shturma Beiruta* [Cross Hoisting in Beirut: Russian Expedition of 1769–1774 to Eastern Mediterranean in Perception of Syrian Contemporaries Part 1. From the Appearance of Russian Squadron to the First Assault of Beirut] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Revue]. Part. 13. Oriental Studies. 2009, № 1.
- [9] al-Mahami Tawfik Muammar. *Dahir al-'Umar. Kitab yatanawal tarikh al-Jalil khassa wa-l-bilad al-Suriya 'amma min sanat 1697 hatta sanat 1777* [Dahir al-'Umar. The History of Galilee and all of Syria from 1697 till 1777]. Nazareth, 1996.
- [10] al-Munayyir Hananiya. *Al-durr al-marsuf fi tarikh al-Shuf* [The Strung Pearls of the History of Shuf]. Beirut, 1984.
- [11] al-Sabbag Mikhail Nikula. *Tarikh sheikh al-'Umar al-Zaydani* [The History of Sheikh al-'Umar al-Zaydani]. Cairo, 2010.
- [12] *Siriya i Palestina v opisaniyah rossiyskih puteshestvennikov, konsulskih i voyennyh obzorah pervoi poloviny XIX v.* [Syria and Palestine in the Descriptions of Russian Travelers, the Consular and Military Reviews of the First Part of XIX century]. Moscow, 1991.
- [13] Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. *Rossiya v Sredizemnomorye. Arhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago's Expedition of Catherine the Great]. Moscow, 2011.
- [14] Sokolov A.P. *Istoriya Arhipelagskiy kampanii 1769–74 goda* [The History of Archipelago's Campaign 1769–74] // *Zapiski gidrograficheskogo departaments morskogo ministerstva* [The Briefs of Hydrographic Department of the Navy Ministry]. Part VII. Saint Petersburg, 1849.
- [15] Trad 'Abdallah ibn Mikhail. *Mukhtasar tarikh al-asakifa al-lazina rakku martabat piasat al-kahnut al-jalila fi madinat Bairut* [The Short History of Bishops Sanitized to the Rank of High Priests of the Town of Beirut]. Beirut, 2002.
- [16] Ushakov S. *Zhizn grafa Alexeya Grigorievitcha Orlova-Chesmenskogo, podcherpnutaya iz dostovernyh Rossiyskih i Inostrannyh istochnikov* [The Life of the Count Alexei Grigorievich Orlov-Chesmenskiy, Scooped from Authentically Russian and Foreign Sources]. Saint Petersburg, 1811.
- [17] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Tarikh Ahmad Basha al-Jazzar* [The History of Ahmad-pasha al-Jazzar]. Beirut, 1955.
- [18] al-Shihabi Haydar Ahmad. *Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin* [The Lebanon at the Age of Emirs al-Shihabs]. Beirut, 1933.
- [19] Auriant. *Catherine II et l'Orient, 1770–1774 // L'Acropole*. Paris, 1930.

- [20] Charles-Roux Fr. Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle. Paris, 1928.
- [21] Finkel C. Osman's Dream. The History of the Ottoman Empire, 1300–1923. New York, 2005.
- [22] Harik Iliya F. Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711–1845. Princeton, New Jersey, 1968.
- [23] Harris W. Lebanon. A History 600–2011. N.Y., 2012.
- [24] Heyberger B. Sécurité et insécurité: les Chrétiens de Syrie dans l'espace Méditerranéen (XVIIe–XVIIIe siècles) // Meropi Anastassiadou, Bernard Heyberger (édit.), Figures anonymes, figures d'élite: Pour une anatomie de l'Homo Ottomanicus. Istanbul, 1999.
- [25] Heyberger B. Les Européens vus par les Libanais (XVIe–XIXe siècles) // Les Européens vus par les Libanais à l'époque ottomane. Beirut, 2002.
- [26] Joudah Ahmad Hasan. Revolt in Palestine in the Eighteenth Century. The Era of Shaykh Zahir al-'Umar. Piscataway, 2013.
- [27] Kassir S. Histoire de Beyrouth. P., 2008.
- [28] Panzak D. Commerce et commerçants des ports de Liban Sud et de Palestine (1756–1787) // Villes au Levant. Hommage à André Raymond. Revue du monde musulman et de la Méditerranée, n° 55–56, 1990.
- [29] Philipp T. Acre. The Rise and Fall of a Palestinian City, 1730–1831. N.Y., 2001.
- [30] Volney. Voyage en Syrie et en Egypte. 3e édition, 1799 // Œuvres. Tome troisième. P., 1998.

Beirut under Russian rule

Part 1. The eve of the occupation (1772–1773)

Taras Y. Kobishchanov

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
11 Mohovaya St., Moscow, 125009, Russia

During the Russian-Ottoman war of 1768–1774 Russia became the first European country that invaded Middle East in the Modern times and even for the short period occupied its part: the town of Beirut. The events that preceded the assault and capture of the town were fixed by the local chroniclers and Russian officers; as well they were reflected in the messages of Arab rulers and the reports of the diplomats residing in Syria. As a result the volumetric picture of the society is emerging that for the first time faced the colonial expansion of the modernized Europe.

The first part of presented article is devoted to the analysis of the socio-political situation in the region on the eve of the arrival of the Russian squadron at the Syrian coast. Special attention is paid to the situation in Beirut before and during the first assault of the town in June 1772, and to the subsequent change in the balance of power in Lebanon.

Key words: Beirut, Syria, Archipelago expedition, Youssuf Shihab, Dahir al-Umar

Информация об авторе / Information about the author

Кобищанов Тарас Юрьевич, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Taras Y. Kobishchanov, Assistant Professor at the Chair of History of the Near and Middle East' Countries, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: kobischanov@mail.ru

Для цитирования / For citations

Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Часть 1. Канун оккупации (1772–1773) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 338–354. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Kobishchanov T.Y. Beirut under Russian rule. Part 1. The eve of the occupation (1772–1773). *RUDN Journal of World History*. 2018. 10(4): 338–354. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-4-338-354

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.08.2018